

Офисный «сабантуй» затянулся. Ирина Вадимовна уже по третьему кругу вещала об одном и том же. И никто ее не пытался остановить — кто ж с главбухом перед авансом ругается? Даже шеф едва сдерживал зевоту, но тоже не перебивал. Может, опасался, что если единожды собьет престарелую сотрудницу с мысли, то сразу после этого придется искать нового бухгалтера? А он категорически против текучки кадров.

Я осторожно пододвинула к себе телефон, выставленный на беззвучный режим. Набрала и отослала сообщение: «Тебе все еще нравятся блондинки, медвежонок?», — поправив при этом темную челку. В сексе по телефону не имеет никакого значения, какого цвета у тебя волосы, размер одежды или внешность. Некоторые из наших девчонок в жизни могли бы произвести впечатление лишь массивными формами, но они — обладательницы самых сладких голосов — использовали в работе не внешние данные. Клиенты же представляли во время разговоров то, что хотели представлять. Нас даже специально инструктировали, как улавливать скрытые и вытягивать осознанные желания, чтобы мужчина на том конце

провода всегда получал свою самую яркую сексуальную фантазию.

Со временем сформировался костяк постоянных клиентов — и именно они приносили основную часть дохода. Однако, по тому же самому инструктажу, нам следовало изредка напоминать о себе, если постоянный клиент надолго пропал. Странное дело, но, даже покупая такие услуги, мужчины ведутся на флирт и легкий флер влюбленности — все любят обманываться. Вот я и решила использовать рабочее совещание для того, чтобы пройтись по списку и отослать VIPам подобные глупые сообщения. Если повезет, то через пару часов кто-то из них созреет и поймет, что с моим участием этот вечер пройдет не так уныло.

Немногие из них называли свои настоящие имена, но это не удивительно: кто-то из моего списка явно занимался серьезным делом, судя по способности оплачивать выставленные Юркой счета. Так и зачем переходить границу телефонного знакомства? Будоражить кровь можно и без таких явных фактов о себе. Я для клиентов была Евой, а они чаще всего значились как «зайчики», «медвежата», «рабы», «господа», «герои», «недостойные», лишь изредка разбавляя этот зоопарк именами — и вряд ли реальными.

Следующему контакту в списке предназначалось такое сообщение: «Я соскучилась, а ты?», — но его отправить не успела, шеф что-то спросил у бухгалтерши. Я вмиг вытянулась, словно слу-

шаю внимательнейшим образом. Еще заподозрят, что не горю желанием здесь находиться.

К дополнительной работе я относилась серьезнее, чем к этой. Да, секс по телефону — всего лишь приработок, но доходный. Благодаря ему я наконец-то сняла квартиру в центре, где уже не надо бороться с бессмертными насекомыми и ругаться с такими же бессмертными соседями. Благодаря ему, я очень изменилась. Кто бы мог подумать, что еще несколько лет назад я и слова из себя не могла выдавить в присутствии симпатичного парня? Мама повторяла, что я выросла красавицей: темно-каштановые волосы, ни разу не тронутые краской, чтобы не повредить густоте, зеленые глаза и тоненькая, но женственная фигурка. Однако смущение появляется отнюдь не из-за внешних данных. Оно просто появляется, и никакие аргументы на него не действуют. Сама я считала свои глаза слишком широко посаженными, губы — карикатурно пухлыми, а волосы покрасила в свой же, каштановый, сразу по приезду в Москву, однако результатом все равно не была довольна, продолжая комплексовать. Так было раньше. Теперь же я могла развести любого — когда угодно и на что угодно, притом не показав даже лица и уж, конечно, не дав себя облапать. Я могла быть и слушателем, и психологом, и девственницей, и развратной дрянью, и феей-синеглазкой, и красноглазой вампиршей — я научилась управлять мужиками, как наивными детьми, когда они висят на другом конце провода.

Правда, поначалу было сложно. Приехав в Москву из областного городка и не имея за спиной вообще никакого опыта, я вдруг обнаружила, что никому здесь особенно не нужна, а за бюджетное место в институте надо держаться всеми конечностями, иначе упустишь. Но повезло с почти случайной встречей — в вузовской общаге я познакомилась с Ольгой. Она впоследствии и предложила устроить меня в секс по телефону. Тамошнему начальнику — юркому Юрке — мой голос понравился. Он сказал, что даст возможность попробовать, и научил базовым принципам общения. Во время первых разговоров я краснела как рак, но с каждым новым клиентом опыта прибавлялось и одновременно проходило смущение. Юркий Юрка приятных эмоций у меня не вызывал, однако я была ему благодарна. Впрочем, как и он был благодарен каждой постоянной сотруднице: ведь с любого звонка он получал пятьдесят процентов.

Самое смешное, что у меня практически нет сексуального опыта. Да, я встречалась до переезда в Москву несколько месяцев с бывшим одноклассником, с ним же лишилась девственности, но опытом наши сумбурные встречи назвать сложно. Мишка сам толком не знал, что со мной делать. Тем более этого не знала я. Мы разбежались после того, как он назвал меня фригидной. Мне было обидно, но частично он был прав. Кстати, моя невосприимчивость к возбуждению очень здорово помогла потом в работе. Попробуй-ка иначе одновременно ублажать клиента и жарить

котлеты. Но отсутствие личного опыта все-таки сказывалось: каким же было мое удивление, когда Ольга и другие профессионалки общего бизнеса рассказывали об извращенных фантазиях, которые мне поначалу приходилось записывать, настолько они не укладывались в голове. Лишь спустя месяцы я ориентировалась в этих вопросах наравне с лучшими из Юркиных нимф.

Здесь же, в офисе, меня все раздражало. Ирина Вадимовна вышла на четвертый круг повтора. Кристина, которая спит и видит себя начальницей отдела и потому выслуживается, закатила глаза к потолку. Если уж последний бастион в ее лице пал, то куда уж мне изображать интерес? Перевела взгляд на нашего шефа — вот он бесил меня сильнее всех остальных. Вообще, таких скользких типов и высокомерных грубиянов не выношу. Даже как-то хотелось раздобыть номер его личного телефона, чтобы он дрочил от моего вкрадчивого голоса, как пятнадцатилетний подросток. Тогда мне было бы проще переносить его бесконечные придирки. Нет, спасибо ему, конечно, что полгода назад взял меня на работу. Мне она была нужна, чтобы, с одной стороны, прикрыть нелегальные доходы, а с другой — подстраховаться. В Юркином бизнесе в любой момент ситуация может измениться, вплоть до того, что лавочку прикроют. Потому каждая девчонка из наших обязательно имела легальный источник дохода. Так что спасибо тебе, Кирилл Алексеич, что почти с улицы меня подобрал и даже диплома не

спросил. Хотя какой диплом мог бы понадобиться для моей должности? Я здесь на побегушках: кофе сварить, доставку обеда заказать, подписанные проекты развезти, заявки привезти и вот на таких совещаниях зачем-то присутствовать, как будто без знаний объема кредиторской задолженности кофемашина со мной перестанет разговаривать.

Я отвела взгляд от шефа и вернулась к телефону. Нажала «отправить» и почти сразу вздрогнула, услышав тихий короткий звук. Кирилл Алексеевич вынул смартфон из внутреннего кармана пиджака, глянул на экран и... не ответив, с ухмылкой убрал обратно. Кристина от неожиданно игривой улыбки начальника шумно выдохнула. Влюблена, что ли, дуреха, в этого замороженно-го? Да он улыбается только дважды в неделю — в полдевятого утра понедельника и в пять вечера пятницы, как по расписанию. Вот только сейчас вышло незапланированно. Я же вмиг напряглась от неожиданного совпадения. Почти нервно перелистнула на данные о контакте и вновь вздрогнула — «Кир». Нет, это тоже совпадение. Сколько в России Кириллов? А сколько из Кириллов при знакомстве с телефонной шлюхой назовут настоящее имя?

Я судорожно соображала, припоминая и сопоставляя факты. Этот клиент впервые появился месяца три назад, потом звонил довольно часто, прося именно меня. На четвертом заказе оператор — такая же сладкоголосая чаровница — вписывает клиента в ранг постоянных, чтобы не

тратить время на перевод звонков. Зачем же заставлять ждать платежеспособного покупателя? А графики все равно у Юрки, не утаишь. Если попытаешься — а ни одна из нас не могла быть уверенной, что наши телефоны не оснащены каким-нибудь спецустройством — то задолжаешь его шарашкиной конторке столько, что проще самой на органы продаться. У полукриминального мерзавца служба безопасности работает исправно — ни один рубль не уйдет мимо кассы, а умные девушки Юрку провести даже не пытаются.

И у «Кира», как постоянного клиента, мой прямой номер был, он звонил многократно на протяжении месяца.

А потом пропал. Собственно, именно поэтому я сегодня и решила о себе напомнить. Попыталась вспомнить его голос, но ничего не выходило. И неудивительно: в интимных разговорах шепчут, стонут, иногда сдавленно о чем-то просят, а если и кричат, то только от возбуждения. Шеф же мой в основном или орет, или окатывает ледяным тоном.

Кирил Алексеевич наконец-то не выдержал:
— Спасибо, Ирина Вадимовна, мы уже поняли.

Он что-то еще говорил: просил сделать выводы, оптимизировать издержки, где возможно, накидать идей по развитию — за это премирует, ну и возвращаться к своим обязанностям. По-

Больше одного сообщения отправлять не стоит. Мужчина должен дозреть сам, иначе у него включится отторжение от навязчивости.

следнего я только и ждала. Уже в общем отделе посмотрела на дисплей своего сотового — пришел ответ от последнего абонента: «Возможно». Я обернулась, уверенная, что увижу своего босса снова улыбающимся мобильнику, но он даже не вышел из конференц-зала.

Вот это да! Совпадение, или я придумала? Припомнила все, что знала об этом клиенте. Если уж я шефа до сих пор просто недолюбливала за занудство и хамство, то сейчас волосы на голове зашевелились — он полный, абсолютный извращенец, скотина, любящая причинять боль, выкручивать жертве руки до хруста суставов и кончающий от сдавленных рыданий! На всю голову больной! А его бесстрастный образ очень даже всему этому соответствовал. Конечно, только если я себе ничего не придумала... Да быть не может. Этот-то молодой, лет тридцать от силы, привлекательный брюнет, высокий, широкоплечий, при деньгах. Такому просто незачем обращаться в секс по телефону и к проституткам. Ему достаточно щелкнуть пальцами и ими же указать на ширинку. Или все-таки он? Если позвонит снова, я сосредоточусь на том, чтобы уловить сходство голосов. И тогда уж точно возненавижу постоянно всем недовольного босса еще сильнее. Шутка ли — узнать, что он мудака не только на работе?

Больше одного сообщения отправлять не стоит. Мужчина должен дозреть сам, иначе у него включится отторжение от навязчивости. Весь вечер я не находила себе места от любопытства, но

звонка так и не дождалась. Вообще ни одного, как будто все клиенты решили дружно завязать с онанизмом. Хотя скорее мир рухнет, чем кто-то из них завяжет.

СМС от абонента «Кир» пришло только через три дня: «Если соскучилась, то можем и встретиться. Мне надоело трахать тебя только в своей голове».

Скривилась. Надо же, какая банальщина. Рано или поздно предлагают встретиться многие, но почему-то от этого извращенца я не ожидала — ему свое лицо показывать, должно быть, нужно еще меньше, чем мне мое. И обычно клиенты такие предложения делали не в сообщениях, а сразу после того, как кончат.

Ответить — значит навязываться. Звонить самой — вообще немыслимо. Назойливость ставит крест на ощущении исключительности, на желании пойти и взять. По-настоящему достойный товар надо продать покупателю единожды, а затем лишь ждать, когда он захочет этот товар больше любого другого. Но я за три дня так страдала от любопытства, что решила и нажала на вызов.

— Встретиться? Серьезно? — я улыбалась, а тембр смягчила до вибрирующей ваты. Собственно, меня вообще невозможно узнать по голосу в реальной жизни из-за отточенного умения управлять интонациями.

— Сама звонишь? — ответил он, похоже, тоже с улыбкой. — И кто же будет оплачивать такой звонок?

Я об этом не думала. Как еще и не успела придумать, чем вообще потом буду объяснять Юрке разворот трафика на сто восемьдесят градусов. Зато вся сжалась. Это он. Определенно! Ну, почти определенно. Хотя игривых нот я раньше от него не слыхала. Для уверенности решила продолжить игривый диалог:

— А может, я соскучилась по твоему голосу?

— Не сегодня, Ева, — занят. Потом. Возможно.

Точно! Точно он! Холодок в голосе я расслышала отчетливо. Это прозвучало почти так же, как и очень знакомое: «Опять опаздываем, Мария? Или пробки появляются только на вашем пути?»

Я сама отключилась, зажала рот ладонью и истерически расхохоталась. Ничего себе! Интересно, если бы в офисе узнали, насколько директор ненормальный и какие у него жуткие фантазии, то продолжали бы с тем же обожанием смотреть на него? Уверена, что Кристина вообще бы дышать перестала, не то что томно вздыхать. Конечно, я ни о чем не расскажу, пусть продолжают заблуждаться.

И, отпустив мучившую тайну и вдоволь над ней посмеявшись, я сразу расслабилась. Вернулась к каталогу, который забросила несколько дней назад. Пора выбрать себе уже приличную машину, а на потрепанной колыхаге, приобретенной с первых доходов от юркового Юрки, буду ездить только на работу. Ей все равно недолго осталось. Она уже два года назад была на последнем издыхании, пугая скрежетом весь район.

— Мария, опять опаздываем?

— Никак нет, Кирилл Алексеевич.

— Еще и наглеем? — темная бровь босса слегка изогнулась.

— Кофе, Кирилл Алексеевич?

— Нет. У вас целая стопка готовых проектов. Я уже их подписал, так и вы не теряйте времени.

С этими словами он скрылся в кабинете. Ну, конечно, ему-то кофе сделает секретарша. А я, получается, и без кофеина обойдусь. Еще несколько секунд я рассматривала дверь приемной и думала. Красавчик ведь — даже я это признаю, — хотя на дух его не переношу, а это о многом говорит! И как же так вышло, что двинутый? Может, его в детстве папа бил и мама насильовала? Мне, вообще-то, дела нет до этого, просто интересно.

После обеда из задумчивой неги меня выдернула Василина Ивановна — неизменный секретарь нашего босса и главный долгожитель в офисе:

— Маш, ты, случайно, не занята? Помогги, пожалуйста.

И ведь видит же, что не занята. Еще утром я развезла все заказы, обед на всех сотрудников заказала, а теперь плююсь на часы неотрывно

и размышляю о всяких извращениях. Но Василина Ивановна всегда предельно вежлива и ко всем относится одинаково — может, потому и протянула в офисе дольше всех? Я поплелась за секретарем в приемную, ожидая распоряжений.

— Отнесешь бумажки в юридический? Подожди, сейчас соберу. Просто шеф, — она понизила голос, чтобы в кабинете ее не расслышали, — сегодня не в настроении, не хочу покидать рабочее место.

Ага, как будто он когда-то бывает в хорошем настроении. Это Василина Ивановна еще не знает, в каком жутком настроении он бывает, когда возбуждается... Я с улыбкой ждала, когда она соберет документы. И вдруг за спиной раздался голос, от которого я оцепенела:

— Красавица, не стой на проходе! — я отскочила в сторону, но вошедший сразу обратился к Василине: — Кирилл у себя?

— Конечно, Виталий Алексеевич, проходите.

Она даже не позвонила шефу, чтобы предупредить о посетителе. Я же пыталась справиться с осознанием: вот этот голос и есть тот! И во все глаза пялилась на невысокого, осанистого брюнета лет тридцати пяти. Какое-то мимолетное сходство с шефом, разве что глаза светлые, а не карие, как у Кирилла Алексеевича, но я точно не могла обмануться в схожести голосов.

Как только за ним захлопнулась дверь кабинета начальника, я подлетела к секретарскому столу.

— Василина Ивановна, это родственник нашего? Брат?

— Брат, да, — она удивилась. — Ты что, его впервые видишь? Он же наш крупнейший заказчик. Они поделили отцовский бизнес: Виталий Алексеевич возглавил производство, а Кирилл Алексеевич занялся логистикой. В итоге оба преуспели, а капиталы увеличили в разы, потому что друг с другом конкурировать не стали и...

Я перебила, погружаясь обратно в мысли:

— Спасибо, теперь понятно.

Она мягко улыбнулась и покачала головой:

— Ты, Маш, как-то совсем от дел компании изолируешься, ни о чем не знаешь, хотя здесь уже несколько месяцев.

За это я оправдываться не стала, да и все равно размышляла о другом. Итак, братья — между собой не похожи внешне, но тембр голосов одинаков. Удивляться вроде бы нечему, зато теперь я вовсе не была уверена в том, что раньше сделала правильные выводы. Вот этого, не слишком симпатичного бугая в роли безумного диктатора представить было проще. А наш, наверное, в постели с самочками просто лежит и не двигается — слишком хорош, чтобы еще и напрягаться. Однако от новой информации мой азарт вернулся на предыдущий уровень.

Неделя выдалась напряженной. Мне довольно часто приходилось развозить подготовленные проекты заказчикам, а каждый вечер звонили клиенты, двух из которых я считала постоянными. Потому в пятницу улеглась спать пораньше, чтобы отдохнуть как следует и выходные про-

вести с пользой — помотаться по автосалонам, выбрать себе такую красавицу, чтобы потом ее всю жизнь обожать. Скопила я не так много, поэтому придется рассмотреть все варианты, чтобы не прогадать и в эту сумму уложиться.

И уже из дремы меня вытащил очередной звонок. Коротко вздохнула, привычно за секунды собираясь. И полчаса не прошло, как я «скакала на лице» очередного «медвежонка» — не то чтобы утомительно, но после такого надо уметь переключаться, фейсситтинг¹ далеко не все клиенты жалуют.

«Кир».

Я замерла, а губы сами собой растянулись в улыбке. Вызов приняла на третьем гудке.

— Все-таки соскучился? — протянула, забираясь снова под одеяло и закрывая глаза.

— Все-таки предлагаю встретиться в реале. Ты хорошо работаешь языком, Ева. Кто знает, может, у тебя есть и другие таланты?

Я не проститутка. Никогда и ни при каких обстоятельствах не стала бы спать с мужчиной за деньги — просто физически бы этого не смогла. Но некоторые путают эти понятия. Да что уж там, со временем все путают. Потому любая из нас всегда готова к подобному повороту разговора:

— Кир, — я почти прошептала, добавляя в голос нотки истомы. — Встреча в реале разобьет эту атмосферу, хотя я иногда тоже хочу тебя увидеть.

¹ Сексуальная практика, при которой верхний партнер сидит на лице нижнего, обычно иницилируя орально-генитальный или орально-анальный контакт.

Но останавливаю себя — ведь после уже не будет так, как раньше. Есть только мы в этом вакууме, когда ничего и никого вокруг...

В его тоне появились знакомые холодные интонации:

— Обещаю, что не трону. Только ужин.

Я вытянула ноги и перевернулась на спину.

— Ужин с тобой... это так... — я сделала вид, что осеклась и не позволила себе закончить фразу, которую якобы боялась произнести до конца. — Знаешь, что я сейчас делаю, Кир? Я уже легла спать. Не ждала тебя сегодня. Но я везде гладкая и чистая, потому что знаю — ты можешь прийти в любой момент, и я должна быть готова. На мне только трусики, Кир. Но когда я слышу твои шаги, я вспоминаю, что была обязана их снять заранее — ведь ты имеешь право прийти в любой момент...

Он шумно вдохнул. Повелся — все ведутся. А я просто добиваю:

— Мне нравится, как ты оттягиваешь галстук одним пальцем, но смотрю при этом только на твою руку. Хотя мне очень хочется посмотреть в глаза. Здравствуй, Мастер.

— Заткнись, — звучит сдавленно.

Я коротко улыбаюсь. Все, дальше уже вообще будет легко. Мужчины, склонные к жесткому доминированию, почти никогда не позволяют перехватить инициативу — их достаточно завести, потом они уже сами. От меня теперь требуются только тихие стоны и ответы, если спрашивает. С этим типажом настолько просто, что беспоко-

иться нужно только о том, чтобы не уснуть в процессе.

— Ладно, — он признал поражение. — Сними их. Встань на четвереньки. Ты возбуждена?

— Нет, Мастер. Но я всегда готова принять тебя.

— Не сегодня, Ева. Тогда ляг на спину и раздвинь ноги. Шире. Если ты их сдвинешь, то завтра я протащу тебя по улице на поводке. Ты все поняла?

— Да, Мастер.

— Нет, еще шире. У меня выдалась плохая неделя, потому ты мне нужна для разрядки. И только дай мне повод остаться недовольным.

— Я сделаю все, что скажете.

— Хорошая девочка, хорошая. Еще шире, чтобы тянуло в сухожилиях.

Я невольно немного раскрываю бедра. Все-таки приказной тон влияет на уровне подсознания.

— Не смотри на меня. Закрой глаза.

Их я и не думала открывать, но попутно отметила — сегодня он мягче. В предыдущие разы меня нередко и «цепями к стене приковывали», и «подвешивали к потолку». Кстати, а почему он целый месяц не звонил? Не понравилось мое рвение в вылизывании его обуви?

— Ты слышишь меня, Ева?

— Конечно, Мастер.

— Запусти правую руку вниз и сожми пах ладонью. Сильнее! — он надавил голосом. — А теперь погрузи один палец в промежность. Замри,

не двигайся. Сегодня я не хочу тебя, но ты все равно обязана доставить мне удовольствие. Все поняла?

— Я сделаю то, что прикажете, Мастер.

— Ты должна кончить — так, чтобы я это видел. Ноги не своди, покажи мне всю себя. Теперь найди клитор, но не спеши, просто прижми пальцы к этой точке.

Я невольно протянула руку вниз и скользнула под резинку трусиков — именно эта резинка меня отрезвила. Чем я тут занимаюсь вообще? И кто должен прочить? Но после секундной паузы все-таки нырнула вниз и сделала как он сказал. Чуть выгнулась от удовольствия.

— Тебе приятно? — он будто видел меня на самом деле.

— Да, Мастер... но мне хочется большего, — я попыталась завести его, хотя сама уже медленно скользила по пульсирующей точке.

— Согни ноги в коленях и приподними бедра от кровати. Не закрывайся — показывай мне все, что делаешь. И не двигайся, я не разрешал тебе продолжать.

Стало жарко. Я левой рукой откинула одеяло, подхватила едва не вылетевший телефон, а правой задвигала быстрее. Может, мне пора обзавестись любовником? От себя не ожидала, что так сильно и так быстро захочу секса от каких-то там прикос-

Мужчины, склонные к жесткому доминированию, почти никогда не позволяют перехватить инициативу — их достаточно завести, потом они уже действуют сами.

новений. Все-таки гормоны существуют — это они двигают моей рукой, вдруг заполучив власть после долгого воздержания. Вот только разгоряченное сознание начало отключаться, потому я невольно вслушивалась в распоряжения и следовала им:

— Очень медленно води кругами, пока без нажима. Как ты кончаешь, Ева? Отвечай, но движений не прекращай.

Я очнулась и вспомнила, как изображала оргазм в разговорах с ним раньше:

— Кричу. Я не могу сдержать крика во время оргазма.

— Сегодня ты кончишь молча, Ева. Чтобы даже стона не вырвалось. Услышала? Но только после того, как я разрешу.

— Да, Мастер.

Меня подгоняла мысль, что в этот момент он занимается тем же. В мужском голосе появилась хрипотца — он все еще холодный, но уже возбужденный. Ну конечно, Кир тоже на взводе, представляя, как я мечусь по постели, возбуждая саму себя. Еще несколько минут — мужчины кончают быстро.

— Теперь замри и снова нажми на клитор. Сильнее.

Я выдала тихий стон. Да у меня внизу уже все мокрое. В последнюю очередь сейчас хотелось бы останавливаться, и я ждала новой команды — уже почти предвкушала ее.

— Сложи два пальца и с усилием три вертикально. Теперь надо это делать быстро. Бедрa еще

выше, я не разрешал тебе укладываться. Показывай мне, как ты стараешься. Разве это быстро, Ева? Ты не хочешь для меня кончить?

— Я стараюсь... Мастер.

Кажется, я превзошла саму себя в актерском мастерстве, потому что стонала теперь так, как никогда не получалось раньше — сдавленно, будто горло перехватывает, сдерживаясь, но оттого звук становился еще глубже. И слышала его дыхание — сбитое, почти бесшумное, но именно оно уносило разум вдаль так, как если бы мужчина на самом деле был в этой комнате или лежал рядом, наблюдая за мной.

— Мне надоело ждать, Ева. Скользи быстрее, найди такое положение, чтобы тебя вверх подкидывало от судорог, и ускоряйся, — он подгонял меня с нажимом, а мне внизу стало почти больно, но я уже не могла остановиться. — Кончай сейчас. Долго еще ждать? Покажи мне, как ты кончаешь, но чтобы ни звука.

Меня скрутило, перевернуло на бок, я даже зубами вцепилась в край одеяла, а на глаза навернулись слезы. Вот это да... Даже не думала, что это ощущается именно так — выворачивая весь организм наизнанку. Я едва вспомнила, что выпустила телефон из левой руки. Схватила и, задышавшись, спросила:

— Вам хорошо, Мастер? Я сделала все, как вы приказали.

Впервые я не была уверена, что на том конце провода кончили — стонов не слышала, никаких

рыков или напряженных выдохов. И вдруг меня окатило почти равнодушным:

— Слушай, а ты хороша. Я серьезно. Честное слово, на сто процентов играешь.

Я резко села, пытаюсь прийти в себя. И спросила в лоб, хотя такое не приветствуется:

— Мастер... вы успели кончить?

И следующее меня окончательно уничтожило:

— Я за рулем сейчас. Из Серпухова возвращаюсь, дела были. Ты в Москве живешь? Может, все-таки закину еще раз удочку про ужин? Или могу пожелать спокойной ночи. Лично.

— Я... не... встречаюсь... с... клиентами! И не задавай мне больше этот вопрос, как какой-нибудь влюбленный подросток! — конец отповеди почти выкрикнула и отключила вызов, не прощаясь и не обволакивая его напоследок чушью о «новых встречах».

Вот тебе и профессионалка, все мастерство в унитаз спустила. Он больше не позвонит, клиенты не любят, когда девочки показывают им характер. Они звонят, чтобы обманываться, им даже отказывать надо так, чтобы они ни на секунду не выныривали из своих фантазий. Но я-то что учудила? Точно, пора всерьез задуматься о любовнике, если меня так дешево развели на первый в жизни оргазм. Мишка меня когда-то фригидной обозвал. А вот как оказалось: я вполне способна быстро возбуждаться от самого любимого человека — самой себя.

— Мария, все в порядке? Почему вы на меня так смотрите?

— Я на вас не смотрю, Кирилл Алексеевич, просто слушаю внимательно, чтобы ни слова не пропустить.

Да, голос у него все-таки приятный — даже такой, когда снова отчитывает. Губы не выглядят особенно жесткими, но мягкими они кажутся еще меньше, верхняя губа немного обветрена, но с расстояния двух шагов краснота уже незаметна. Не улыбается — половину своих недельных улыбок он уже истратил утром, когда поздравлял всех с началом новой рабочей недели. И остается пятьдесят процентов, что это именно он меня развел как дурочку. Как в этот никчемный разговор вклинить вопрос: не бывал ли он в пятницу в Серпухове? Прозвучит как признание во всех грехах? Да, пятьдесят процентов — это очень много, чтобы так рисковать.

— А-а, — протянул саркастично. — Ну, раз слушаете, то, может, и отвечать начнете?

— Вы о чем? — я с трудом оторвала взгляд от его губ. Шеф говорил то похожим, то совсем незнакомым голосом, заставляя меня теряться в сомнениях.

— Вы меня простите, конечно, за неэтичный вопрос, Мария, но вам здоровье точно проверить не надо? Я спросил, сможете ли вы меня подвезти до офиса клиентов. Кажется, они созрели до подписания с нами договора, потому лучше сразу надавить.

Ему бы все давить... Глядите-ка, форменный доминант. На сессию не разведет только ленивая. Но я сейчас не на работе. В смысле, на работе, но не на той. Встрепенулась, осознавая услышанное:

— Я? На своей тарантайке? Да как-то даже неудобно вас в такой машине везти.

— Я свою отдал сотруднику еще утром — нужно было оборудование перевезти. А вы, смотрю, все равно без дела слоняетесь, так в чем же проблема? Ваша тарантайка не способна ездить?

— Способна, конечно.

Я уже развернулась к коридору, поняв, что не отделаюсь. Мог бы и такси вызвать. Хотя зачем ему такси, если есть целая я — специально принятая на работу с автомобилем, чтобы всегда на колесах. И на ходу начала беспокоиться совсем о другом — сегодня на офисной парковке стояла не всем известная развалюшка, а очень даже новенькая и блестящая Kia. Не самая дорогая, но и не самая дешевая модель. Я все-таки оформила кредит, не смогла удержаться. А сегодня после работы договорились встретиться с Ольгой в кафе; не могла перед ней не похвастаться — точно так же, как она три месяца назад хвасталась передо

мной. Я придумывала, как объясню такую обновку, когда Кирилл Алексеевич вдруг тронул меня за локоть, останавливая.

— Мария, предлагаю сразу кое-что обговорить.

Я замерла в безлюдном коридоре. Нахмурилась, заранее угадав дальнейший ход разговора. Начальник недоволен моей работой — да, я исполняю все свои функции, но никогда сверх того. И еще иногда опаздываю в офис, потому что после особенно сложных ночей на второй работе просто не слышу звонка будильника. Но в целом я же справляюсь! Хотя разговора об увольнении все-таки подсознательно давно опасалась — я неплохая сотрудница, но явно проигрываю остальным, которые рвут и мечут за малейшую похвалу начальства.

— Мария, — повторил он другим тоном и тише. Точно, очень похоже! Почти как «Ева», когда ту надо довести до мурашек. Еще бы немного хрипотцы в тоне... — Я просто скажу это, чтобы никакого недопонимания не осталось. Вы очень красивая девушка. И любой мужчина на моем месте был бы только счастлив. Но я категорически против служебных романов.

— О чем вы, Кирилл Алексеевич? — у меня брови подскочили.

— О вашем очевидном внимании ко мне, конечно, — глаз он не отвел, показывая тем самым, что вовсе не смущается этого разговора.

— О чем?! — я решила, что мне послышалось.

— Вы смотрите на мои губы так, словно едва держитесь, — объяснил он предельно ясно, чтобы вообще сомнений не осталось. — Я обычно игнорирую подобные взгляды, но сегодня это уже не только я заметил. Не хочу никаких сплетен среди сотрудников.

— Я?! — едва не расхохоталась от нелепицы. Сказать, что ли, насколько он мне неприятен? Впрочем, не стала себе отказывать и все-таки рассмеялась в сторону. — Нет, Кирилл Алексеевич, вы ошибаетесь!

— Я бы не поднял эту тему без уверенности. Я вообще редко ошибаюсь, Мария. Хотя готов дать руку на отсечение, что еще неделю назад вы так на меня не смотрели.

— Как?

— Как будто я первый и последний, — он хоть бы улыбнулся, ведь ирония прозвучала!

Я просто покачала головой и отмахнулась, шагая дальше. Оправдания — удел виноватых.

Шеф мою красавицу оценил и присвистнул из-за спины:

— А тарантайка преобразилась. Мария, напомните мне размер своего оклада. Не думал, что плачу вам столько. Вряд ли заслужили.

Я ему криво улыбнулась, отключая брелоком сигнализацию.

— У меня родители состоятельные, Кирилл Алексеевич, — соврала, не моргнув глазом. — Вот, на день рождения подарок сделали.

— А. Тогда прошу прощения за комментарий. Не за оклад.

Чувство юмора у него точно такое же, как и все остальное, — раздражающее.

Я не успела даже дверь водителя открыть, как меня мягко взяли за плечи и отодвинули в сторону.

— Я поведу, Мария. Если вы не возражаете.

Последняя фраза была произнесена безапелляционным тоном. Вообще-то, я и сама неплохо управляюсь с машиной — не боялся же он мне проекты доверять для развозки. Но это уже просто наглость, не считая еще откровенного нарушения личного пространства!

И вот, я дождалась — вторая за сегодня, а значит, внеплановая, улыбка босса. Эту он смог сделать даже виноватой.

— Прошу прощения, считайте это фобией. Не могу сидеть на месте пассажира. Меня такое объяснение не убедило, потому он добавил: — Попал в аварию, теперь не могу расслабиться, если не контролирую ситуацию. Штраф на мне, если ГИБДД остановит.

После такого откровения я не могла не отдать ему ключи. Пусть ведет, а я тем временем успею вздремнуть. Спасибо, что вообще меня позвал, а то же мог просто машину отобрать, с таким-то «дипломатичным» подходом.

Он вырулил со стоянки на довольно большой скорости, но на центральной улице заметно сбавил.

вил. Ведет технично и гладко, не подрезает и не уступает, притом сам заметно расслаблен. И так, любит все контролировать — еще одна мысленная галочка в сводную таблицу. Я заговорила, чтобы отвлечься от мысленных сравнений с телефонным собеседником:

— А что за авария, Кирилл Алексеевич? Вы серьезно пострадали?

— Не так уж чтобы... — он задумчиво улыбался боковому зеркалу. — Пару ребер сломал и перепугался до чертиков. И решил, что лучше уж или сам буду за рулем, или вообще на метро поеду.

И вот, я дождалась — вторая за сегодня, а значит, внеплановая, улыбка босса. Эту он смог сделать даже виноватой.

— Понятно. А то я уж предположила черепно-мозговую травму или подобные долгоиграющие последствия.

— С чего вдруг? — он мазнул по мне взглядом.

Я промолчала. Уж очень отчетливо прозвучало бы хамство в честном ответе. И тут он вдруг рассмеялся — тихо, глубоко. Это было так неожиданно! Собственно, это был первый раз, когда я видела начальника смеющимся, он ведь даже улыбки по лимиту выдает! Смеется. И здорово-то как смеется! Наверное, это побочный эффект от вибраций его голоса, который я уже успела признать приятным.

Но он на меня не смотрел и будто понял без объяснений:

— Вас так расстроил отказ, Мария, что вы готовы называть меня нездоровым на голову?

— Какой еще отказ?

— А, ну да, мы же делаем вид, что вы в последние дни не смотрели на меня голодной кошкой. Как и сейчас смотрите.

Больше я ни слова не произнесла. А то конкретно этому человеку всерьез грозила еще одна авария.

Он ушел с целой стопкой документов, а я почти два часа маялась в машине. И не уедешь — ведь надо хоть каким-то образом изображать усердную сотрудницу. Когда наконец-то он вернулся, я просто спросила:

— Теперь в офис?

— Почти. Еще в одно место заскочим. Устали? Там буквально на пять минут. Брату распечатку закину.

Я вмиг заинтересовалась, а когда он через десять минут припарковался перед очередным зданием, спросила:

— Можно с вами? Ноги размять, надоело в машине сидеть.

— Конечно, — он и не удивился моей просьбе.

Виталий Алексеевич встретил нас в холле, удостоив меня приветственным кивком и лишь слегка заинтересованной улыбкой. Их разговор действительно не продлился больше пяти минут — мужчина пробежался взглядом по распечатке, задал какие-то вопросы по цифрам, кивнул и, не прощаясь, побежал обратно к лифту. Странно, что они так наспех — братья же. Могли бы и погоду обсудить, и цены на недвижимость, по-

чему нет? Или сказать, например, «Покажи мне, как ты стараешься, Ева». Но ничего подобного, только бизнес. Голоса у них очень похожи, особенно в таком спокойном тоне. И я почувствовала себя разочарованной.

Зато когда ехали уже в наш офис, Кирилл Алексеевич вдруг заговорил с неприкрытой иронией:

— Знаете, Мария, кажется, я вынужден взять свои слова обратно. Вы не только на меня — на всех мужчин так смотрите? Виталья тоже нравится? Вы — я заранее прошу извинить за этот вопрос — случаем, не нимфоманка?

Я просто одеревенела от целой серии грубостей в мой адрес за один день. Я, конечно, и раньше не считала его джентльменом, но сегодня — явный перебор даже от такого грубияна. Потому не стала удерживать порыв и ответила в том же тоне:

— А вы — я прошу простить за этот вопрос — не слишком высокого мнения о себе? У вас навязчивая идея какая-то — все вас хотят, все вас взглядами облизывают?

— Не только о себе, — он ничуть не стусеивался. — Но теперь и о брате. А ответа на вопрос я так и не услышал.

— А это потому, что сначала я загляну в трудовой договор и проверю, не ли там пункта, обязывающего меня отвечать на подобные вопросы!

— Почему вы злитесь, Мария? Не любите говорить о сексе?

— О-о... — я едва удержалась, чтобы не добавить к сарказму обращение «мой сладкий

медвежонок». — Очень люблю говорить именно о сексе! Только о нем и говорю — нашлись бы любители слушать. Но некто мне недавно намекал, что очень против служебных романов!

— Так я только поговорить и предлагал. Точнее, на вопрос ответить, — он улыбался теперь постоянно — явно просто насмеялся над моей реакцией. — А вопрос этот возник от чистого любопытства. Я, действительно, очень внимателен и редко ошибаюсь, вот и не могу теперь определиться, что в вашем поведении не так. Причем еще несколько дней назад ничего подобного не замечал. Вы терпите работу только из-за какой-то необходимости, но новость о состоятельных родителях заставляет меня в этом усомниться. Вы не горите желанием сплетничать с девчонками и не строите глазки парням, а ко мне ваше отношение всегда колебалось от равнодушия до неприязни. Не буду сейчас останавливаться на том, что все мои замечания в ваш адрес были обоснованны. И вот такой любопытной натуре стало интересно, с чего вдруг случилась резкая перемена в вашем поведении?

У меня дар речи пропал. Я вдруг ощутила себя мухой под лупой, которую тщательно разглядывали. Или он так всех рассматривает, про каждого своего подчиненного такой же поведенческий портрет с ходу накидывает? Теперь уже не удивлюсь.

— Кирилл Алексеевич, — после паузы я смогла говорить абсолютно спокойным голосом. — Я ни-

когда не считала ваши претензии безосновательными.

— То есть вы сделали вид, что не расслышали всего остального?

— То есть так. Я уже подозреваю, что никому свою машину вы не отдали. Вам зачем-то понадобилось то ли пообщаться, то ли посмотреть на мое раздражение.

— Самовлюбленный кретин, — выдохнула я, не сдержавшись, но так тихо, что тлела надежда остаться неслышанной.

— О, нет, я не до такой степени любопытен. Но теперь интерес растет — сейчас вы выглядите еще более странной, чем утром. А откровенно гово-

рю осознанно. Это единственный способ вытянуть из собеседника ответную откровенность. Обычно люди поддаются, хотя бы от неожиданности.

Я разволновалась, а от волнения всегда начинаю злиться:

— Хорошо! Вот ответ на вашу откровенность: я в самом деле не люблю свою работу, не вижу возможности для профессионального роста, но она мне очень нужна. Про родителей соврала, машину мне купил богатый любовник. А в романтическом интересе к своей персоне вы сильно ошиблись — нет у меня к вам даже подобия такого интереса! Вы бы лучше на других сотрудников в офисе так же внимательно посмотрели на предмет скрытых симпатий!

— Про других знаю, — он уже остановился на парковке, но не спешил возвращать мне ключи.

И продолжил без малейшего смущения: — Отчетливо — Кристина, Наталья, Марина из бухгалтерии, совсем немного Василина и, не побоюсь рискнуть с предположением, Игнат. Просто все они умеют держать себя в руках, зато работают в три раза эффективнее своей планки. Так вас из этого списка вычеркивать?

— Самовлюбленный кретин, — выдохнула я, не сдержавшись, но так тихо, что тлела надежда остаться неслышанной.

— Что? — он пристально посмотрел на меня.

— Ничего такого, Кирилл Алексеевич. У вас потрясающая самооценка, я даже немного завидую. Но, надеюсь, мы с вами больше никогда не вернемся к этой теме.

Ему удалось испортить мне настроение до самого вечера. Даже не могу понять, чем конкретно — тем, что вот так цинично влезает в самые откровенные темы? Или что самовосприятие у него как у Генерального секретаря ООН? Он каким-то невероятным образом умудрился даже испортить мои ощущения, когда я хвасталась Ольге новой машиной.

Однако со следующего дня мы с шефом вернулись к прежним отношениям: он на меня орет за опоздания, я оправдываюсь пробками. И больше никаких лишних взглядов и обвинений в симпатии.

ГЛАВА 4

«Скажи хотя бы, ты в Москве?»

Получив в следующую пятницу сообщение от абонента по имени «Кир», я взвизгнула от радости. Значит, не сорвался, не посчитал мое поведение неуважительным. Или, возможно, он так сильно впечатлился моими стонами, что на все остальное не обратил внимания? По правде говоря, не ждала уже от него ни звонка, ни СМС. Этот гад меня уделал, поэтому хочется, хоть и слегка, уделать его. Сама не представляю пока как.

«В Саратове», — отправила я ответ.

Такие отговорки допустимы только в самом крайнем случае. Юркий Юрка объяснял, что лучше всего балансировать на грани: мужчинам всегда надо оставлять иллюзию, что я рядом, только руку протяни. И когда протянет — очень мягко от себя эту руку отвести. Сейчас же я решила этот сценарий изменить. Потому как не получится его уделать, если буду играть по его правилам. А так я как будто перетащила его на свою территорию — «в Саратов». «Ну, что ты ответишь на это, Мастер?»

А вот и ответ: «Ты так всем ухажерам отвечаешь?»

После этого я почувствовала себя королевой, даже самооценка поднялась почти на предыдущий уровень. Флирт по телефону — не та сфера, где хоть кто-то способен меня провести.

«А ты ухажер? Разве мой любимый Мастер способен за кем-то ухаживать?» — и добавила подмигивающий смайлик.

«Почему ты думаешь, что не способен?»

«Потому что успела тебя узнать».

«Уверена, что не хочешь узнать получше? Например, что я вполне способен изображать ласкового кота, пока девушка не потеряет бдительность».

«Только изображать. Ведь ты создан для того, чтобы брать, а не спрашивать разрешения! Так, Мастер?»

Все, мы почти в Теме, сейчас перезвонит. Не выдержит и перезвонит. Секунда, две, три... Почему медлит? Хочет еще пообщаться короткими фразами или уже наконец услышать мой голос? Я дернулась от мелодии входящего звонка, но победная улыбка тут же сползла с лица — вызов был от другого постоянного клиента.

Пришлось зажмуриться и сосредоточиться на каждой реплике, чтобы «Казанова» не ощутил моего напряжения. И через минуту я расслабилась, окунаясь в привычную атмосферу. Разогрела довольно быстро, потому что знала, что именно этот клиент любит, но начала сбиваться после того, как услышала тихий сигнал о параллельном звонке... Это Кир пробивается! Ю-ху, дождалась!

Так быстро я сеанс еще не заканчивала:

— Я насаживаюсь на твой член ртом резко, ритмично. Ты стонешь и пытаешься меня остановить, но головка почти врезается в горло. Я задыхаюсь, но снова и снова сглатываю, пытаюсь вогнать его еще глубже.

Ну же! Кончай уже!

— А-а-а-а, — слышу в трубке сдавленное.

Я тоже стону, даю клиенту время опомниться и заканчиваю сахарным шепотом:

— Ты сделал мне очень хорошо, Казанова... спасибо.

Кое-как дождалась, когда он сам выдаст что-то настолько же тошнотворное и отключит вызов. Спешно переключила — да, пропущенный от Кира! Чаще всего клиент, если уже настроился, не ждет слишком долго — набирает общий телефон и переключается на другую девочку. Хотя есть и принципиально «верные». Но в этом случае я была уверена, что он захочет именно меня.

Целых двадцать минут телефон молчал, а я его гипнотизировала, боясь даже глубоко вздохнуть, чтобы не спугнуть. Разумеется, перезванивать не стоит, он должен это сделать сам. Да и деньги мне Юрка перечислит только за входящий. И когда уже отчаялась, дисплей засветился.

— Кир? — я ответила сразу. Начинать всегда лучше с того имени, которое клиент назвал. И конкретно этот мужчина чаще всего сам обозначает момент, когда мы переходим к делу. Обычно довольно сухим «Разденься» или «Зат-

кнись». После этого я перехожу на «вы» и «Мастера».

— Ага, я, — он говорил как-то непривычно весело. — Понимаю, что вопрос прозвучит совсем неуместно, но спрошу — с кем болтала?

— С мамой из Саратова, — я тоже невольно начала улыбаться.

А потом вспомнила, что произошло в прошлый раз, и отошла подальше от кровати, словно именно она во всем была виновата. Встала перед окном и стала следить за текущими внизу огнями.

— Сколько тебе лет? — прозвучал следующий вопрос, означающий, что сегодня он спешить не хочет.

— Двадцать, — на три года снизила я настоящий возраст. Молодых девочек любит большинство, а этот точно не производит впечатления человека, предпочитающего женщин постарше.

— И сколько из двадцати лет ты в этом бизнесе?

С одной стороны, мне не нравилось, что он тянет и уводит в сторону. Но мое отражение в стекле улыбалось. Значит, клиент сегодня хочет флиртовать? С удовольствием! У Юрки поминутная тарификация плюс стандартный платеж за каждый вызов.

— Я ведь не спрашиваю, на самом ли деле тебя зовут Киrom.

— Так спроси, — сегодня он вообще был на себя не похож, я пока даже стали в голосе не слышала — только улыбку.

— Ты Кирилл?

— Я ведь не спрашиваю, на самом ли деле тебя зовут Евой, — повторил почти слово в слово.

— И то верно. Тогда оставим эти вопросы без ответов. Хочешь, я разденусь?

— Очень. Но теперь я однозначно хочу это увидеть по-настоящему.

— Закрой глаза — и увидишь, — совсем мягко, едва слышно прошептала я.

— Не слишком-то удобно смотреть на тебя с закрытыми глазами.

Он не повелся. Уже, похоже, озадачился целью и теперь будет постоянно к ней возвращаться. Такие клиенты обычно потом или надолго пропадают, или выбирают другую девочку. Навязчивое желание увидеть, встретиться перекрывает все возможности для расслабленного отдыха.

— Кир... ты сегодня меня не хочешь? — я даже опустила глаза, чтобы придать тону невинное сожаление.

— Хочу. В смысле, хочу, чтобы ты мне хоть какую-нибудь правду сказала. Не знаю... любую. Есть ли у тебя братья или сестры, в каком месяце родилась. Расскажи любое из того, что можешь рассказать.

— Ты опять за рулем?

— Как ты догадалась? Дмитровское шоссе и хроническая пробка. В общем, давай, рассказывай — я же плачу за то, чтобы ты со мной говорила, а тему задаю я.

— Ну, у меня три старших брата, родилась в сентябре. Что еще?

— Снова врешь? Давай теперь заново.

— Нет у меня братьев. Родилась в ноябре.

Мы просто играли друг с другом, и оба это знали:

— А еще разок? Ну же, последняя попытка.

— Выводок младших сестренок, день рождения... ну, скажем, в феврале.

— Я вычеркиваю эти варианты из календаря. Какой месяц останется, тот и будет правильным ответом.

И вдруг я поняла кое-что важное, о чем, вполне вероятно, уже сообразил и он. На такие вопросы не отвечают томным голосом, я незаметно для самой себя почти перешла на настоящую интонацию! А ведь есть очень внимательные люди и те, у кого отличная память на голоса. Да вон, шефа моего хотя бы вспомнить, который взбесил как раз тем, что подметил в моем поведении каждую деталь! Я добавила в тон придыхания:

— Теперь твоя очередь, Кир. Расскажи о себе.

— Показать пример искренности?

— Разумеется.

Он подумал немного.

— Та-ак... Ну, имя Кирилл мне всегда нравилось. Если бы я писал книгу, то главного героя так бы и назвал. Представляешь, как обидно Сережке в три года осознать, что ему не стать Кириллом? Почему-то тогда это сравнение меня

раздавило. Что еще? Работаю сотрудником в мелкой фирме, но очень рассчитываю на карьерный рост. Не женат. Погряз в столице и ипотеке, но пока смотрю на мир оптимистично.

Тоже врет как дышит. Люди, считающие деньги, не тратят даром ни одной минуты разговора со мной и потому сразу укладывают на лопатки. И уж точно они не звонят, когда куда-нибудь едут, чтобы скрасить скуку.

— Вижу, мы с тобой одинаково откровенны друг с другом, — не удержалась я и вновь услышала тихий смех в ответ.

— Да дело не в том, что я осознанно что-то скрываю, Ева. Просто собираюсь ответить на все твои вопросы, но когда-нибудь потом.

— За ужином? — поняла я.

— И за завтраком, — он отозвался без паузы. — Ой, я же это не вслух сказал? За ужином, за ужином.

Он веселился и тем веселил меня. Я уже и забыла, чем вообще должна заниматься.

— Кир, а мне стало любопытно — твоя настойчивость как-то связана с твоими предпочтениями в сексе?

— Безусловно, — он и не думал отпираться и делать вид, что не понимает намека. — С ними же связано много черт моего характера, я думаю. Или наоборот, мои предпочтения в сексе являются следствием моего характера? Помоги разобраться.

— Я не психолог.

— А разве не ты помогаешь людям справляться с комплексами и каждому одинокому стесняшке даешь ложное ощущение тепла?

— Ты не похож на закомплексованного стесняшку.

— Почему же? У каждого бывают периоды слабости. Три месяца назад жена бросила — ушла к какому-то богатому мужику на крутой тачке. И я решил хотя бы по телефону отыграться на какой-нибудь женщине, выпороть ее так, чтобы весь женский род в ее лице получил сполна.

И опять ни слова правды. Из трубки я услышала странный шум на высокой ноте.

— Что это там пищит?

— Чайник. Он с таким встроенным звонком — самого иногда бесит. И звук не убавляется — похоже, злые японцы в него вложили всю японскую ярость.

— Чайник? — я снова смеялась. — Прямо в машине?

— А, ну да. Выходит, я не в машине. Слушай, Ева, мне голос твой кажется немного знакомым. Или я уже так хочу тебя увидеть, что придумываю?

Я снова забылась? Произнесла на полтона ниже — и пусть он это изменение уловит и рассмеется, чем расслышит что-то еще:

— Мы ведь не впервые общаемся, потому это не странно.

Люди, считающие деньги, не тратят даром ни одной минуты разговора со мной и потому сразу «укладывают на лопатки».

— Точно.

Поняв, что еще немного, и я проколюсь, просто спросила в лоб:

— Кир, ты не хочешь сегодня расслабиться?

— Да тут чайник на меня орет, какое расслабление?

— Тогда до следующего раза?

— До следующего, Ева.

Я долго не отходила от окна, пытаюсь сделать выводы из этого разговора. Да, я заработала и клиента обслужила, как он того хотел. Но вряд ли отыгралась за прошлый раз. Я что же, действительно, просто с ним трепалась — играла в «кто кого перевернет»? Причем смеялась-то искренне, как и он... Похоже на то. Странно это. К таким поворотам меня Юрка не готовил, надо будет с Ольгой посоветоваться. С ее опытом и не такие сложные клиенты должны были попадаться.

А еще я почему-то долго вспоминала лицо Виталия Алексеевича и пыталась сообразить, нравится ли он мне хоть немного. Конечно, в сравнении со скользким братцем — нравится, но все же для меня староват... и тяжеловат. Черт, точно пора обзаводиться любовником. И сексом можно иногда заняться, и по телефону вот так ни о чем потрещать.

Где искать бойфренда, если все силы высасывают две работы? И если уж честно, то я только по телефону являю собой сексапильную барышню, а в жизни — вполне себе обычная девчонка в джинсах, блузке и с пучком волос на затылке. В ближайшие выходные надо выбратся на шопинг и привести себя в подобающий вид. А потом что? По улицам ходить и всем улыбаться? Или с Ольгой почаще выбираться в кафе и клубы? Знакомство — это еще не самая большая проблема, хуже, если попадется извращенец, наподобие некоторых моих клиентов. Или — что похлеще — влюбчивый романтик, от которого потом, когда надоест, запросто не отделаешься.

А в офисе все было по-прежнему. За исключением того, что на директора я теперь вообще не смотрела. Никак. Ни одного взгляда за все совещания, и уж тем более, когда мы не были рядом. Вот бы и он вел себя так же...

— Мария! Почему вы проекты вчера не развезли? Или вы не знаете, что нам платят не только за качество, но и за скорость?

Я в панике заозиралась, соображая. Развезла же! Вчера! Неужели какую-то бумажку выронила,

потеряла? Все другие мои оплошности не шли ни в какое сравнение с подобным, ведь от тех бизнес не страдал. Но до того, как я успела хоть что-то ответить, Кирилл Алексеевич добавил:

— Я пошутил, расслабьтесь. Зато по бледности лица понял, что эта работа вам, действительно, нужна. Хорошо.

Пошутил. Сейчас уржусь до колик. И, без малейшей улыбки, я сухо высказалась:

— Кажется, это вы ко мне проявляете повышенный интерес, Кирилл Алексеевич, раз направляете свой, к-хм, юмор только на мою персону.

— Не только. Но больше никто так забавно не реагирует. Мария, кстати, а вы не хотели бы попытаться удачи в составлении очередного проекта? Хоть что-нибудь понимаете в логистике? — он дал паузу для ответа, которого не дождался. — В транспортных перевозках? В оценке эффективности системы перемещения? Даже в разработке схем движения грузов ничего?

— Кирилл Алексеевич, — я почти перебила. — У меня незаконченное высшее по специальности юриспруденция, потому вы с тем же успехом сейчас можете перейти на китайский. Но, если честно, то мне вообще цель ваших вопросов неясна. Вы хотите меня повесить?

— Не хочу пока. Но думаю о том, почему одна из сотрудниц фирмы даже не отрицает, что ей здесь не нравится. Проблема в том, что мы ее таланты не можем раскрыть, или все-таки проблема в самой сотруднице?

В озвученной дилемме явственно слышалось: или обозначьте, в чем хотели бы проявить себя — и я помогу, или уже освободите место для того, кто вольется в этот почти семейный коллектив как родной. И он подтвердил догадку, продолжив:

— Я могу позаниматься с вами в субботу, могу устроить на какие-то курсы. Очень многие мои специалисты тоже начинали без базового образования. Но только при условии, что вам самой это надо. Вам это надо, Мария?

Да уж. Не хватало мне еще субботы в его компании проводить. Сказала с ехидцей:

— Видите ли, Кирилл Алексеевич, у меня есть талант — на лету схватывать. Поэтому и логистику, и эффективность управления освою, если только понадобится. Но кто же будет проекты с вашими подписями развозить и обед на весь офис заказывать?

— Тот, кому такие задачи доставляют удовольствие. Или тот, для кого они — его верхняя планка. Не поверите, сколько в Москве людей были бы рады получить ваше место.

Опять косвенная угроза об увольнении. На самом деле, я такому странному разговору не очень удивилась. Еще когда меня принимали в штат, подчеркивали, что у них ценятся инициативность и коллективизм, а тех, кто только «на приработки заскочил», держать не будут. Сам директор пребывал в твердой уверенности, что работа здесь — подарок судьбы. У него даже уборщица со времен

открытия бесценная, потому что он делает ставку на людей. И сейчас ждет конкретного ответа, чтобы окончательно определиться на мой счет. Больше никакой резкости, иначе точно уже сегодня побегу по новым вакансиям:

— Я очень благодарна вам за это предложение, Кирилл Алексеевич, правда. Но дело в том, что меня все устраивает. При небольшой нагрузке зарплата приличная, мне хватает. Зато много свободного времени, которое я могу тратить на личные проблемы.

— Личные проблемы? Я заметил, что иногда у вас бывают звонки, но вы не отвечаете в отделе, а всегда выходите, — он, по всей видимости, вознамерился сегодня терзать меня расспросами до бесконечности.

— Да. Мама болеет, я всегда должна быть на связи. Вероятно, я неправильно выразилась — только в этой должности мои личные дела не мешают работе. И по этой же причине я не могу учиться в выходные, приходится подрабатывать — официанткой в кафе. Каждую копейку считаю. Потому не волнуйтесь, я буду стараться никогда вас не подвести.

— Понятно. Где мама?

— В Саратове.

Врать всегда надо без пауз, не задумываясь — тогда у собеседника не возникает чувства фальши. Вот я и не задумывалась, а потом поняла, что именно сказала. Черт, черт, прицепился